
Трой
Красная
миля

Трой

Красная миля

«Автор»
2026

Трой

Красная миля / Трой — «Автор», 2026

Голос на пустом шоссе читал роман, которого автор ещё не написал. Теперь страница за страницей его книги сбываются — а среди персонажей ходит убийца, знающий сюжет лучше создателя.

© Трой, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Труп в оранжерее, или Художник, который не рисовал 5
Глава вторая. Сыщик, который не опаздывал, или Ужин при закрытых бегониях 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Красная миля

Глава первая. Труп в оранжерее, или Художник, который не рисовал

Убийство в посёлке Грушёвые Зори случилось утром в четверг — а в четверг, как известно, всё и происходит. По понедельникам в посёлке банили директора газопровода, по вторникам стригли иконостасы в домах культуры, по средам было не принято делать ничего вообще, а четверг оставался единственным днём, отведённым под события, происшествия и прочие обстоятельства.

Потому когда тётя Вера, домработница художника Слизнева, обнаружила хозяина в оранжерее — аккуратно, лицом в кадку с бегониями, — она не закричала. Она вздохнула с досадой человека, которому в понедельник ещё мыть окна, и произнесла:

— Ну надо же. В четверг.

Следователь по имени Пётр Устинович Кабачков прибыл к одиннадцати, в форменном плаще поверх клетчатого пиджака, и с порога объявил:

— Классика жанра. Дача, художник, отравленная мадера, шесть подозреваемых. Кто-то у нас перечитал Агату Кристи, и это меня беспокоит.

— Это меня беспокоит больше, — сказал доктор Мотовилов, уже осматривавший труп и успевший выпить для храбрости двойной настойки боярышника из аптечной склянки, которая по вторникам почему-то всегда была полной. — Умерший отравлен не мадерой. Он умер от того, что кто-то сосчитал до сорока девяти и не удержался.

Кабачков поднял бровь — жест, отработанный за пятнадцать лет службы до состояния филиграни.

— Растолкуйте, доктор.

— Сизиц, двадцать восьмая строчка. Признаки, знаете, нехитрые: цианид в профиле пульса и выраженное нежелание быть мёртвым. Но взгляните на бокал.

Бокал стоял на столике среди бегоний — хрустальный, с остатками мадеры и тонкой, почти художественной слезой осадка на стенке. Художник Слизнев был старым средством от скуки: он писал пейзажи, в которые никто не вглядывался, и потому пейзажи писали его. На мольберте красовался закат — обыкновенный до боли, с оранжевым солнцем, которое художник зачем-то выкрасил в цвет заплесневелого баклажана.

— Он не пил, — сказал доктор. — В стакане отпечатки только тёти Веры. Она тут весь день и раз двадцать переносила стакан с места на место, потому что по-другому ставить нельзя, а по-другому ставить было нельзя.

— Тогда отравился как? Вдохнул? Съел?

— Умерший, простите, отравился так же, как жил, — с людьми. Ровно за полчаса до смерти он поужинал в компании четверых. Разговаривал, смеялся, поднимал тосты. И тосты поднимал не сам.

Кабачков достал блокнот. В блокноте у него был завидный порядок: слева — кто, справа — кто на самом деле. Записал: «Мадера — приманка. Проза жизни — оружие».

Подозреваемых, как и положено, было четверо, и все стояли на террасе, повторяя хором, что не заметили ничего необычного.

Племянник Слизнева, Гоша, юрист без портфеля, но с портфелем, говорил голубыми глазами в потолок: — Дядя был полон жизни. Вчера купил две банки оливок. Кто перед смертью покупает оливки, тот не думает умирать. Это я вам как юрист говорю.

Соседка Лидия Мироновна, вдова и хозяйка трёх персидских котов, говорила платком: — Он был добрый человек. Единственный во всём посёлке, кто здоровался со мной по четвергам.

И Economka тётя Вера говорила полотенцем: — Он был тихий. Всегда тихий. Только в марте кричал на меня за то, что я поставила фикус на солнце. А фикус и надо на солнце.

Кабачков обвёл всех взглядом человека, который умеет играть в шахматы вслепую, но не при этом виде.

— Позвольте уточнить, — сказал он. — Вы говорите, он был тихий. Но я нахожу в его мастерской приказ о выписке из санатория на завтра. Он готовился к жизни. — Он щёлкнул пальцами. — Кто-то из вас не хочет, чтобы он завтра уехал. Так кто из вас сегодня вечером давал ему «мадеру»?

Тишина. Потом Гоша произнёс: — Я буду защищать интересы семьи и требую независимую экспертизу идиотизма.

Доктор Мотовилов, ещё храбрый от второй настойки, наклонился к Кабачкову и сказал вполголоса, только для него:

— Кстати, Пётр Устинович, заметьте: труп лежит в оранжерее. Бегонии. Художник, по словам всех, был равнодушен к цветам. Но если труп сам выбрал место — выбрал не случайно. Посмотрите на подоконник.

На подоконнике стояла картина, задёрнутая простыней, — и под простынёй, судя по очертаниям, доживал свой век пейзаж. Но не пейзаж. Доктор приподнял ткань. Под ней оказалась не абстракция и не закат — а портрет. Портрет Гоши, где племянник держал в руке бокал, а в глазах его стояла та особенная, собачья преданность, с которой родня смотрит на наследство.

Кабачков отступил на шаг.

— Он знал, — прошептал он. — Он рисовал убийцу заранее. И поставил подпись «По заказу — не исполнено». Художник не рисовал этого племянника в задумчивости. Он рисовал его в преступлении.

В этот момент в дверь позвонили. На пороге стоял человек в длинном пальто и с бутылкой в руке.

— Простите, — сказал он. — Я — частный сыщик, меня зовут Аристарх Кузьмич. Я никогда не опаздываю, но сегодня задержался у клуба, где ко мне подошёл официант и попросил разрешения жить дальше. Я не понял вопроса и согласился. Есть ли у вас здесь кто-нибудь умерший от мадеры?

— Нет, — сказал Кабачков устало. — Здесь умерли от людей.

— Тогда я по адресу, — обрадовался Аристарх Кузьмич и шагнул через порог, сбив локтем вазу, а вазой — цветочную герань, а геранью — спокойствие дома.

Пока он входил, терраса чувствовала, как под её полом что-то неспокойное, и это что-то было очень мелкое, четырёхлапое и, вероятно, самое умное из всех присутствующих: персидский кот Лидии Мироновны вышел на крыльцо и сел лицом в сторону леса, как делают коты, когда уже всё поняли и ждут, когда поймут остальные.

А в оранжерее, среди бегоний, тихо стонал и медленно приходил в сознание художник Слизнев. Глаза его были полузакрыты, на губах играла лёгкая полуулыбка, а в руке, так никем не замеченной, — зажат клочок бумаги с недописанной фразой: «Дорогой Пётр Устинович, у меня к вам дело…»

Ибо художник, как выяснилось много позже, вовсе не умер. Художник всего лишь в третий раз в жизни делал вид.

Но это уже тема второй главы.

Глава вторая. Сыщик, который не опаздывал, или Ужин при закрытых бегониях

— Вставайте, гражданин Слизнев, — сказал Кабачков строго, потому что вставать рядом с человеком, который только что притворялся мёртвым, следовало строго. — Или сразу объясните, зачем вы разыграли собственную смерть, или я начну подозревать вас в смерти вас.

Художник открыл один глаз, потом второй, посмотрел на потолок оранжереи, где между фикусом и форточкой висела паутина с тремя мухами, которые, по всей видимости, тоже числились в посёлке Грушёвые Зори подозреваемыми, и произнёс:

— Я не притворялся мёртвым. Я репетировал натюрморт. «Художник и бегонии». Проверенный приём: ложишься лицом в кадку — и композиция сразу оживает.

— Оживите композицию на ноги, — сказал Кабачков. — В кадке бегонии, а в вас, согласно заключению доктора, была доза, способная усыпить садоводческое товарищество целиком.

— Доза была в бокале, — невозмутимо ответил Слизнев, поднимаясь и отряхивая с воротника лепесток. — А я мадеру не пил. Я в жизни не пил мадеру — у меня на неё аллергия, о которой знают все, включая тётю Веру, соседку и племянника. Именно поэтому я и налил её в бокал — с вельможной небрежностью, полагая, что на этом дело кончится.

— На чём кончится?

— На ужине, разумеется. Я провёл эксперимент. Я хотел узнать, кто из четверых подаст мне отравленное вино. Не чтобы отравиться — чтобы узнать. Художник я, Пётр Устинович, не следователь. Но натюрморт «Вечер с ядом» у меня вышел. Живее всех живых.

Кабачков сел на перевёрнутое ведро — жест человека, который понял, что расследование будет долгим, а ведро всё равно уже перевёрнуто.

— Значит, вы налили яд себе сами.

— Ни в коем случае. Я налил мадеру. Обычную, из погреба. А вот кто долил в неё остальное — я и хотел выяснить. Мы с доктором Мотовиловым, — художник кивнул доктору, который в этот момент торопливо спрятал аптечную склянку за спину, — сговорились накануне. Доктор констатирует смерть, я лежу в бегониях, а виновник, уверенный в успехе, начинает вести себя естественно. В первый раз за всю историю наблюдений за этой четвёркой.

— И как, ведёт?

— Отвратительно. Гоша вчерашним вечером трижды подходил к оранжерее и один раз — с лопатой.

Тётя Вера закрыла глаза полотенцем. Лидия Мироновна закрыла платком. Гоша открыл рот, но юрист без портфеля в нём не нашёлся, потому что портфель был при нём, и в портфеле, как выяснится позже, была лопата.

— Этого не может быть, — сказал Гоша. — Я юрист.

— А лопата? — спросил Аристарх Кузьмич, частный сыщик, который к этому моменту успел перепробовать четыре кресла на террасе и остановился на пятом, не принадлежавшем никому из присутствующих. — Лопата — тоже юрист?

— Лопата — это для оливок! — вспыхнул Гоша. — Я вчера сажал оливки!

— Оливки в ноябре, в Подмосковье? — деликатно уточнил Кабачков.

— В теплице! Оливки в теплице! Племянник имеет право на мечту!

На террасе повисла пауза — той особой породы, какой бывают паузы, когда всем вдруг становится ясно, что мечту надо будет предъявить с корнями и в горшке.

Воспользовавшись паузой, доктор Мотовилов отвёл Кабачкова в сторону, за мадеру — уже пустую — и сказал тихо:

— Пётр Устинович, я обязан сообщить вам вещи, с которыми вы как человек с высшим образованием вряд ли согласитесь, но как свидетель — обязаны принять. Первое: анализ показал, что в бокале была не мадера. Это была мадера, долитая настойкой боярышника из моей аптечной склянки, разбавленной тёплым чаем из самовара, с добавлением двух растолчённых таблеток, которые я не назову, но по запаху узнаю, потому что сам принимал их в декабре по глупости.

— То есть?

— То есть отравить художника хотел не он, не племянник и, боюсь, не кто-либо из присутствующих. Отравить его хотел кто-то, кто был в доме до ужина, плавал в самоваре и боится воды.

— Доктор, — сказал Кабачков, — вы пили из этой склянки сегодня дважды.

— Именно поэтому, — сказал доктор с достоинством, — я единственный человек на этой террасе, который знает вкус яда. И я клянусь вам, Пётр Устинович: это был не цианид. Это был валерьянно-фиброзный настой. Человек от него не умирает. Человек от него спит двадцать шесть часов, встаёт отдохнувшим и влюблённым в жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.